

Алекс Ночь

Весна в мае 42-го

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н86

Ночь А.
Н86 Весна в мае 42-го / Алекс Ночь – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «Книга по Требованию», 2026. – 190 с.

ISBN 978-5-524-00280-8

Очнуться в чистом поле – страшно. Очнуться в чистом поле, где свистят пули и падают солдаты с криком «За Родину!» - немислимо. Катерина не помнит, как оказалась здесь. На ней легкое летнее платье и босоножки на каблуке, а вокруг – ад Великой Отечественной войны.

Ее спасает ценой собственной жизни молодой красавец-лейтенант. Строгий, холодный, но готовый прикрыть собой даже ту, что свалилась ему на голову буквально с неба.

Придя в себя, Катерина понимает: ее мир остался где-то далеко. Чтобы выжить, ей придется стать своей в этом жестоком времени. Вчера она не знала, с какой стороны подойти к винтовке, а сегодня она медсестра, вытаскивающая раненых с поля боя.

Но главное сражение ждет ее впереди – за любовь человека, который привык терять и не верит в любовь.

ISBN 978-5-524-00280-8

© Lennex Corp, 2026
© А. Ночь, 2026

Алекс Ночь

Весна в мае 42-го

УДК 82-3
ББК 84-4
Н86

Ночь А.

Н86 Весна в мае 42-го / Алекс Ночь. – М.: Литнет, 2026. – 190 с.

ISBN 978-5-524-00280-8

Очнуться в чистом поле – страшно. Очнуться в чистом поле, где свистят пули и падают солдаты с криком «За Родину!» – невыносимо. Катерина не помнит, как оказалась здесь. На ней легкое летнее платье и босоножки на каблуке, а вокруг – ад Великой Отечественной войны.

Ее спасает ценой собственной жизни молодой красавец-лейтенант. Строгий, холодный, но готовый прикрыть собой даже ту, что свалилась ему на голову буквально с неба.

Придя в себя, Катерина понимает: ее мир остался где-то далеко. Чтобы выжить, ей придется стать своей в этом жестоком времени. Вчера она не знала, с какой стороны подойти к винтовке, а сегодня она медсестра, вытаскивающая раненых с поля боя.

Но главное сражение ждет ее впереди – за любовь человека, который привык терять и не верит в любовь.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00280-8

© Литнет, 2026

© Ночь А., 2026

Пролог

Земля была везде. Во рту, в глазах, в волосах, въелась под ногти. И она дрожала. Нет, не просто дрожала – вибрировала мелкой, злой дрожью, которая отдавала в челюсть и в самое сердце.

Я лежала, вжавшись лицом в жесткую траву, пахнущую пылью и гарью. Грохот был таким плотным, что, казалось, его можно было потрогать руками. Он не просто бил по ушам – он проникал внутрь черепа, выстукивая там бешеную дробь.

Сквозь сжатые веки пробивался оранжево-черный свет, он рвал тьму на куски.

– А-а-а! – заорала я, но мой крик утонул в общем гуле, растворился, как ложка сахара в кипятке.

– За Роди-и-ину! – этот вопль пронесся где-то совсем рядом, почти над моей головой, и по земле застучали тяжелые сапоги.

Я зажмурилась еще сильнее, до цветных кругов, и вцепилась пальцами в траву, словно она могла меня спасти, укрыть, утащить вглубь, подальше от этого ада. Сознание цеплялось за пустоту. Кто я? Где я? Как я здесь оказалась? В голове не было ни одной мысли, только этот звон и грохот.

Пустота, вакуум, белый лист.

В ушах заложило от следующего взрыва, он швырнул меня, и я перевернулась на спину, открыв глаза.

Небо надо мной было серым от дыма, и по этому небу, перепрыгивая через кочки и воронки, бежали люди. Много людей. В каких-то странных мешковатых одеждах цвета хаки, с винтовками наперевес. Они бежали туда, откуда летели огонь и смерть. Один споткнулся, взмахнул руками и упал, так и не добежав.

– За Ста-а-а-лина! Ура-а-а! – новый крик прокатился над полем, хриплый, какой-то нечеловеческий.

Сталина? Мысли ворочались тяжело, как камни в воде. Что за Сталин? Что за Родина? Почему они так кричат?

Я приподнялась на локтях и посмотрела вниз, на себя. И тут страх, который был просто животным ужасом, сменился чем-то другим – ледяным, парализующим. На мне было легкое, тонкое платье. Оно было когда-то, наверное, симпатичным – в мелкий, синий цветочек, с кружевным воротничком. Но сейчас оно было разорвано у плеча, перепачкано землей и какой-то зеленью. Ниже колена подол болтался мокрой тряпкой.

А на ногах... босоножки. Дурацкие босоножки на невысоком, но таком неуместном здесь каблуке. Одна пряжка расстегнулась и волочилась по земле. Кожаные ремешки, тонкие и изящные, были перепачканы грязью. Это было неправильно. Кричаще, до скрежета в зубах неправильно. Здесь все были в сапогах, в тяжелой одежде, с оружием. А я – как на праздник.

– Что здесь происходит? – дико закричала я себе в пустоту, но голос сорвался на хрип.

Мимо, пригибаясь, пробежал молоденький парень, почти мальчишка. На бегу он обернулся, увидел меня, и в его глазах мелькнуло такое же дикое удивление, как и у меня. Но он не остановился, побежал дальше, туда, где гремело и рвалось.

Я заставила себя подняться. Ноги дрожали, каблуки предательски уходили в мягкую землю. Вокруг свистело, выло, ухало. Меня шатнуло в сторону, и я, не удержав равновесия, снова упала на колени, больно ударившись о что-то твердое.

Я зажала уши ладонями, закрыла глаза и сжалась в комок, пытаюсь стать маленькой, незаметной, пытаюсь исчезнуть. В голове билась только одна мысль, глупая, беспомощная, детская: «Это сон. Это просто страшный сон. Сейчас я проснусь. Сейчас я открою глаза, и будет тихо, и я буду лежать в своей кровати...».

Но грохот не стихал. Земля подо мной продолжала вздрагивать. И где-то совсем рядом, перекрывая канонаду, снова зазвучало это могучее, страшное и непонятное «Ура!».

Не знаю, что заставило меня подняться. Наверное, тот самый древний, животный инстинкт, который кричит: «Опасно! Беги!»,

когда вокруг умирают люди. Я не могла больше лежать, вжимаясь в эту проклятую землю, слушая, как рядом хрипят и стонут раненные.

Я вскочила на ноги. И побежала.

Куда – я не знала. Просто туда, где, как мне казалось, было меньше дыма, меньше этих жутких разрывов. Каблуки увязали в мягкой весенней земле, я споткнулась о чью-то руку, безвольно откинутую в сторону, взвизгнула и понеслась дальше. В голове не было ни одной мысли – только мутная пелена ужаса застилала глаза.

Вокруг свистело. Этот звук я запомню на всю жизнь – высокий, тонкий, противный, будто комариный писк, только во много раз злее. И после каждого такого свиста – взрыв, удар, комья земли летят в спину.

Я бежала, спотыкалась, размазывая по лицу слезы и грязь. Легкие горели.

Платье противно липло к ногам. В какой-то момент босоножка совсем соскочила, и я побежала босиком, не чувствуя, как острая трава и какие-то палки режут ступни.

– Помогите! – закричала я, но мой крик утонул в общем грохоте. – Кто-нибудь!

И тут я услышала этот звук. Свист, который был громче, ближе, страшнее всех предыдущих. Он летел прямо на меня. Я замерла на долю секунды, понимая, что сейчас – все. Сейчас меня разорвет на куски, и я так и не вспомню, кто я, как здесь оказалась и почему умираю в этом аду в дурацком платье в цветочек.

Чья-то рука с силой дернула меня за плечо, швырнув на землю с такой мощью, что у меня перехватило дыхание.

Я упала, больно ударившись локтем. А в следующее мгновение сверху на меня обрушилось тяжелое, жесткое тело. Оно накрыло меня полностью, прижало к земле, вдавило в нее.

Бабах!

Взрыв грохнул так близко, что меня на мгновение оглушило. В ушах зазвенело, в глазах потемнело. Сверху посыпалась земля, мелкие камешки застучали по спине, по голове.

Тело, накрывшее меня, дернулось, но не ослабило хватку. Я чувствовала запах пота, пороховой гари и еще чего-то терпкого, мужского, чужого.

Чувствовала, как часто-часто бьется чужое сердце – или это мое собственное колотится где-то в горле?

Свист стих. Грохот отодвинулся.

Человек надо мной приподнялся, переноса вес на локти, и посмотрел вниз. Я увидела глаза.

Зеленые.

Не просто зеленые – изумрудные, с темными крапинками, обрамленные густыми ресницами, выгоревшими на солнце. Они смотрели на меня с каким-то диким, неверящим изумлением. Лица я почти не разглядела – только скулу, покрытую пылью и копотью, да прядь темных волос, выбившуюся из-под пилотки.

– Жива? – выдохнул он мне в лицо хрипло, отрывисто.

Я хотела ответить, хотела сказать хоть что-то, но губы не слушались. Я смотрела в эти зеленые глаза, и вдруг почувствовала странное, невероятное спокойствие. На одну секунду война перестала существовать. Остались только они – две изумрудные льдинки в прокопченном лице.

– Ты... – прошептала я одними губами.

Он не дал мне договорить. Резко дернулся, оглядываясь назад, будто оценивая обстановку, потом снова перевел взгляд на меня. В его глазах мелькнуло что-то – то ли злость, то ли отчаяние.

– Лежи! – рявкнул он и начал подниматься.

Я увидела его спину. Гимнастерка на спине была разорвана в клочья, и сквозь прорехи проступала темная, страшная, мокрая ткань. Кровь.

Он ранен.

Он прикрыл меня собой и получил осколки в спину.

Я хотела закричать, хотела схватить его за руку, но тело вдруг стало ватным, чужим. Зеленые глаза на мгновение вспыхнули пере-

до мной в последний раз, а потом мир поплыл, покачнулся и начал медленно погружаться в темноту.

Последнее, что я услышала – чей-то далекий крик: «Санитара! Лейтенанта ранило!».

А потом была тишина.

Глава 1

Сознание возвращалось медленно, тяжелыми, вязкими толчками. Сначала – звук. Далекий, приглушенный, будто через толщу воды. Стоны. Много стонов. Низкие, мужские, протяжные. Где-то рядом кто-то сдавленно матерился сквозь зубы, где-то дальше – был раненый.

Потом – запах. О, этот запах я не спутаю ни с чем, даже если проживу сто лет. Йод, карболка, копоть, гнилая солома и что-то сладковато-приторное, тошнотворное, от чего подкатывало к горлу. Кровь. Так пахнет кровь, когда ее много.

Попыталась открыть глаза. Веки были тяжелыми, словно свинцовыми, ресницы слиплись. С третьей попытки мне это удалось, но в глазах все плыло, двоилось, троилось. Надо мной нависал какой-то серый, неровный потолок. Дощатый. Сквозь щели пробивались тонкие лучи света, и в них плясали мириады пылинок.

Я попробовала пошевелиться – и едва не закричала от резкой боли, прострелившей плечо. Голова закружилась, к горлу подступила тошнота. Пришлось замереть, часто дыша, и просто смотреть в этот проклятый потолок, пытаюсь понять: где я, что со мной, кто я?

Память была пустой. Абсолютно. Как белый лист бумаги, как чистое небо без единого облачка. Я не помнила ничего. Совсем. Ни имени, ни возраста, ни того, откуда я. Это было так страшно, что на миг затмило даже боль и эти жуткие звуки вокруг.

Я осторожно повернула голову налево. И мир обрушился на меня с новой силой.

Я лежала на чем-то, что отдаленно напоминало носилки. Вдоль стен, прижимаясь друг к другу, тянулись такие же импровизированные лежанки – доски на кирпичах, соломенные тюфяки прямо на земляном полу, а кое-где и просто солома, наваленная в углу. И везде – люди.

Раненые. Их было так много, что у меня перехватило дыхание. Замотанные в бинты головы, культы, торчащие из-под серых одеял, залитые кровью гимнастерки, чьи-то ноги в обмотках, безвольно свесившиеся с нар.

Напротив меня, в каких-то двум метрах, сидел, прислонившись спиной к бревенчатой стене, молодой боец. Лицо у него было белое, как мел, глаза закрыты, а вместо правой руки – окровавленный обрубок, кое-как перетянутый жгутом. Он мелко-мелко дрожал и раскачивался вперед-назад, вперед-назад.

Рядом с ним, на корточках, стояла девушка в белом замызганном халате поверх гимнастерки. Халат был когда-то белым, наверное, но сейчас – бурым от крови, с рваным подолом. Девушка быстро, профессионально, меняла ему повязку, прикусив губу от усердия, а он даже не открывал глаз – только вздрагивал всем телом при каждом прикосновении.

– Потерпи, миленький, потерпи, – приговаривала она тихо, не поднимая головы. – Сейчас легче станет, сейчас...

Где-то в углу, отгороженном простыней, натянутой на веревку, работали врачи. Я не видела их, но слышала отрывистые, резкие голоса:

- Зажим! Быстро зажим, мать твою! Не видишь, артерия?
- Давлю, товарищ военврач, давлую!
- Пилу! Давай, давай, некогда...

Пилу? Какая пила? Я не успела додумать эту мысль, как откуда донесся звук. Хруст. Мокрый, чавкающий, тошнотворный хруст, от которого меня вывернуло бы наизнанку, если бы в желудке хоть что-то было.

Я зажмурилась изо всех сил, вцепилась здоровой рукой в край своих носилок. Дерево было шершавым, с занозами. Реальным.

Мимо кто-то пробежал, чуть не задев меня. Я открыла глаза. Медсестра – совсем девчонка, лет восемнадцати, с двумя тощими косичками и безумными глазами – тащила охапку окровавленных

бинтов. Ее халат спереди был черным от крови, на щеке – развод грязи, смешанный со слезами.

– Танька, в третью палату! – заорали от входа. – Двоих принесли!

Танька метнулась туда, бросив бинты прямо на пол, рядом с чьей-то отрезанной ступней, на которую я только сейчас обратила внимание. Ступня лежала в серой портянке, почти домашняя, обычная, только отдельно от тела.

Меня замутило. Сильно. Я отвернулась, пытаюсь дышать ртом, чтобы не чувствовать этот запах, и уперлась взглядом в окно. Вернее, в то, что его заменяло – затянутый марлей проем. Марля была серая от пыли, кое-где порванная, и в дыры виднелось яркое, совершенно мирное майское небо. Синее, чистое, с кучевыми облаками. Как будто там, снаружи, не было этой бойни.

– Очухалась?

Голос раздался прямо надо мной. Я вздрогнула и перевела взгляд.

Надо мной стояла полная немолодая женщина в халате, повязанном поверх ватника. Халат был застегнут криво, на одну верхнюю пуговицу, на груди – пятна йода и свежей крови. Лицо у женщины было усталое, серое от недосыпа, с глубокими морщинками у рта. Но глаза – цепкие, быстрые, внимательные. Она уже протягивала руку к моему лбу, сухая, горячая ладонь легла на кожу.

– Температуры вроде нет, – сказала она скорее себе, чем мне. – Контузия, говорили. Память? – она наклонилась ближе, заглядывая мне в глаза. – Соображаешь? Как звать, помнишь?

Я открыла рот. И поняла, что не знаю ответа.

– Я... – голос сорвался, вышел хриплым, чужим. – Я не помню. Совсем.

Женщина выпрямилась, покачала головой, но удивления на ее лице не было. За этот год она, видимо, насмотрелась и не такого.

– Ясно. Документов при тебе нет. Оделась... – она с сомнением оглядела мое платье, вернее то, что от него осталось – грязные лохмотья, прикрытые какой-то рванью. Видимо, меня укрыли чем-то сверху. – Откуда ж ты такая выряженная взялась?